

«Мой любимый актер народный артист Советского Союза, Герой Социалистического Труда Е. А. Бабочкин. Как-то редко встречается теперь это имя. Или сейчас его авторитет, как многих, поколеблен? Хочется прочесть о нем в газете».

Майор А. СЕКАЧЕВ.

СРАЗУ скажем, авторитет этого художника остался столь же высоким, а его искусство столь же действенным, как при жизни. Еще до всех званий, наград — это популярнейший в народе актер. Таким его сделало с 1934 года участие в бессмертном фильме «Чапаев». По словам писателя Н. Погодина, «имя Чапаева стало именем мирового порядка и перекопало оно в далекие страны на крыльях кинематографа». Добавим — и на крыльях таланта Бабочкина. Таланта редкостного, многогранного, глубокого, хотя зачастую знакомого многим лишь по одной этой блистательной работе в кино.

Как-то так несчастливо складывалось, что материалы об этом актере и режиссере в нашей газете действительно долгие годы не появлялось. Давним-давным виноватого беспомощства я обратилась к дочери Бабочкина — Наталье Борисовне. Может, найдутся в семье странички неопубликованного из творческого наследия артиста, а может, дочь поделится своими воспоминаниями об отце, надеюсь я. Но у нее, искусствоведа, подошел срок договорной работы, а тут еще переезд на новую квартиру. Под конец нашего разговора, видно, из природного добросердечия Наталья Борисовна протянула мне вышедшую в «Молодой гвардии» в 1986 году книжку — Борис Бабочкин «Без снисхождения к возрасту» (она — составитель и автор ее предисловия): «Посмотрите там, где закладка».

Книжку я залпом прочла всю. Порылась в библиотеке. И будто побывала в обществе живого Бабочкина.

ПЕРЕД съемкой в прославленном фильме братьев Васильевых за его спиной была богатая актерская биография: более 250 ролей сыграно в театрах разных городов да еще пять — в кино.

Истоки увлечения актерством — в отрочестве. В неопубликованной дневниковой записи 69-го года Бабочкин вспоминает свои разговоры перед сном с товарищем по саратовскому реальному училищу Шурой Подклетановым и то, как при свете керосиновой лампы «взволнованно, по-детски» читал сцену у фонтана из «Бориса Годунова», после чего друг серьез-

но сказал: «А может быть, ты станешь артистом и будешь играть Самозванца в Александринском театре...» Предсказание сбылось. Там был сыгран и Самозванец, и Чацкий, и многое другое.

Поражают необычайная энергия молодого актера, его стремление идти навстречу трудностям, не выжидая, пока подвернется удачный случай, чтобы творчески испытать себя. «С самого начала своей собственной работы в театре я отлично понял, что чем больше будет у меня

препятствий, тем лучше», — признавался он. И приводил пример, как в 1922—1923 годах оставил прекрасную труппу Московского драматического театра, где за сезон сыграл только пять маленьких ролей, ринувшись в Могилев, «где играл по три новые большие роли в неделю», а за сезон исполнил — шестьдесят.

КАК-ТО Борис Андреевич сказал, что попал в кино случайно. Возможно. Но вот его художнический взлет в роли самобытного и дерзкого народного полководца — закономерность, а не счастливая ворожба судьбы, везение (всякий-де приличный актер воспарил бы на таком богатом драматургическом материале). Действенной натуре Бабочкина к тому же внутренне соответствовал характер его героя, дитяча революционных лет, с их горячий, пристрастной правдой.

Не было тут зазора между искусством и жизнью. Будущему артисту шел 13-й год, когда свершился Великий Октябрь. 15—16-летним комсомольцем ему уже довелось служить в Первом саратовском резервном полку, дежу-

рить в политотделе 4-й армии Восточного фронта, в чей состав входила 25-я Чапаевская дивизия. «То, что я не встречал живого Чапаева, мне кажется чистой случайностью... И если я не знал Чапаева, то сколько таких же или очень похожих командиров я знал!» — скажет Борис Андреевич в дни 30-летия картины. Он говорил, что ему не нужна была творческая командировка перед началом работы над ролью: «Я пел те же песни, которые пел Чапаев, я знал тот простой и колоритный язык, на котором тогда говорили, я умел носить папаху так, чтоб она неизвестно на чем держалась».

Органика жизненная была помножена на органику актерскую. Основы последней больше всего, оказывается, заложил в нем один из пер-

во, не мог. Пусть сегодня менее ощутима эстетическая весомость его экранных образов — Андрея из «Подруг», фронтовика Маркова из «Актрисы», генерала Огнева из «Фронта», председателя колхоза Выборнова из «Родных полей», военного моряка Никитина из «Повести о «Неистовом» — для людей тех лет эти герои-современники были значимы, близки, дороги (в двух последних картинах он выступил и режиссером-постановщиком). Для Бабочкина — это ответ на социальный заказ времени.

После завершения «Повести о «Неистовом» с большим увлечением вспоминал он о Севере, где так коротко лето и быстро наступает ночь, о съемках на корабле, когда группа соприкоснулась с неприукрашенной обычной жи-

м, написаны свои странички. Говорят лишь смиряться вот с этим: когда мастер уходит с подмостков, исчезает бесследно и большинство его сценических созданий. К счастью, спасибо телевидению, два поздних актерских шедевра Бабочкина — Олеша Смолин в «Плотниках» и В. Белова и Николай Степанович в чеховской «Скудной истории» — стали достоянием миллионов зрителей. И незамедлительно из разных мест с признательностью отозвались люди. «Благодарю Вас за все доброе, что Вы сделали для нашего поколения, ровесников века», — написал из Харькова А. Глаголин-Гусев. — Ваш Чапаев вошел в нашу жизнь как праздник, как национальная гордость... И за все, за все на театре спасибо Вам. И за «Плотничьи рассказы». Что-то очень грустное есть в этих рассказах. Как дорого видеть актера русского до мозга костей, хранящего верность задушевному, мудрому, русскому театру...»

К нему доверчиво тянулись сердцем люди старые и юные, простые и знаменитые.

С молодыми Борис Андреевич много общался как профессор института кинематографии, где не только делился профессиональными знаниями, но и был всегда озабочен воспитанием культуры студентов. Огорчался, что нарочитая грубость в среде молодежи становится модой, нормой поведения, что подчас она привержена живучему духу мещанства с его хамством, неуважением к женщине, к старости. И замечал: «Доброжелательное, я бы сказал, осторожное отношение к окружающим — основа основ нашего поведения». Не раз повторял излюбленную мысль: лучшее лекарство от всех бед — труд.

На выпуске студентов-казахов, учившихся у него в мастерской ВГИКа, Бабочкин произнес: «Не бойтесь разбивать носы, не бойтесь преград. Ничего не страшно — любая стена будет пробита, если ударить в нее со всей силой и убежденностью молодых, талантливых, серьезных людей». Фраза, полная задорного огня, прозвучала в 75-м, за год до смерти мастера. И сейчас воспринимается как напутствие соотечественникам в сложный нынешний день.

Г. ДРАЧЕВА.

● Рассказываем по вашей просьбе

ДУША АРТИСТА

вых его учителей И. Н. Певцов, тот самый, что создал в «Чапаеве» образ царского полковника Бороздина. В московской актерской студии «Молодые мастера» Илларион Николаевич преподавал Бабочкину бесценные уроки, открыл секреты искусства реалистического обобщения, умения «играть положение, а не текст». Ему посвящено в книге немало каких-то особых, я сказала бы, почти тайных строк. Есть даже такие слова: «Моя художественная совесть». Когда после просмотра снятого материала «Чапаева» Певцов как бы вскользь довольно произнес: «Мне кажется, что главные сцены у тебя в порядке», — для Бориса Андреевича это прозвучало высшей похвалой.

ЭКРАН или сцена? Что больше «забирало» Бабочкина, поглощало его силы? Сцена. Театральная актерская и режиссерская деятельность влекла возможностью полнее реализовать свой духовный потенциал. Однако в жизнь поколения, к которому он принадлежал, кино начало входить как самая существенная из искусств, и разминуться с ним он, конеч-

но, зная военных моряков. Сказал даже, что был творчески счастлив, работая над картиной, и заключил: «Вся моя работа в кино всегда была направлена... к укреплению обороноспособности, к усилению мощи нашей страны».

Как театральный актер и постановщик он проявлял себя сильно, многообразно, виртуозно, особенно при встречах с русской и советской классикой. Воплощенные им сценические образы — будь то Клеверов («Тени» Салтыкова-Щедрина), чеховский Иванов, Сила Ерофеич («Правда — хорошо, а счастье лучше» Островского) или горьковский Достигаев — становились подлинными открытиями для зрителей.

МОЖНО ли считать его деятельность в театре безоблачным неуклонным восхождением к славе? Нет. Да и не бывает иначе у творчески принципиальных, ищущих, высокогражданственных художников. Нервотряпки, конфликты его не обошли, довелось ему изведать даже горечь временного ухода из родного Малого... А общий итог оптимистичен — в историю театра